

лями» знаменательных частей речи заметные изменения, все же в тех случаях, где элементы лексических значений сохраняются, порой есть основание усомниться в реальности тех смысловых изменений, которые приписываются определенным словам. Так, семантически недостаточно убедительно выглядит трактовка союза *азу* ~ *азі* «или» как «слитного» депричастия от *аз*-«заблуждаться» (с. 117), что исследователями отмечалось неоднократно. Этому препятствует, кажется, и наличие в тув. *азі* «или» фарингализованного гласного, которого нет в указанной глагольной основе.

Едва ли также можно согласиться со сближением послогов типа *тобра* ~ *добру* «прямо», связанного с глагольной основой (др.-тюрк.) *тобуру*-«идти напрямик», и тув. *добра*, хакасск. *тобёр* «поперек» (с. 88) и им подобных (см. также [7, с. 250—251]). Последние, судя по всему, явно гомогенны с хакасск. (сг.) *тобуру*-«отстраняться, отходить в сторону», уйг. (диал.) *тобра*-«ехать на животном, свесив ноги на одну сторону», и необходима мотивировка их родства с др.-тюрк. *тобуру*.

В заключение нельзя не высказать сожаления по поводу длительности срока прохождения готовой рукописи к изданию: работа над ней была завершена примерно за восемь лет до выхода книги в свет, поэтому в ней могли быть учтены только научные публикации, появившиеся до 1980 г. (с. 5). Вместе с тем отметим

как несомненно отрядный факт завершения А. М. Щербак работы над своим многотомным капитальным исследованием: в темплане 1991 г. отмечен предстоящий выход последнего, V тома сравнительной грамматики, под названием «Введение в сравнительное изучение тюркских языков», которого мы ждем с большим интересом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
2. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.
3. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1984.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
5. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
6. Мурзиев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
7. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980.

Татаринцев Б. И

Volek B. Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1987. 270 p.

Монография Б. Волек посвящена сложной и актуальной проблеме эмотивности языка. Литература по данной проблеме довольно обширна. Однако ни одна из работ не является обобщающей [1—2]. В этом плане появление книги Б. Волек следует не только приветствовать, но и высоко оценить, т. к. она содержит интересные и нередко новые наблюдения, выводы и аргументацию по кардинальным вопросам эмотивной семантики языка. Вплоть до недавнего времени эмотивность считали «несемантической» сферой языка, относили к маргинальным явлениям, якобы нарушающим систему и грамматические нормы. В лучшем случае эмотивность упоминалась в научной литературе лишь как стилистическая или фоно-стилистическая черта языка (ср. [3, 4]).

Напомню, что на материале разных языков делались определенные попытки

инвентаризации лексических, синтаксических и фонетических средств выражения эмоций и их классификаций по различным основаниям. Вплоть до 80-х годов в лингвистике не ставилась, однако, задача рассмотреть с позиций семантики, синтактики и прагматики эмотивное поле языка как некую семиотическую по своей функции систему. Б. Волек сумел вывести давнюю и чрезвычайно перспективную проблему эмотивных знаков языка из узких рамок генеративной лингвистики в области антропологической (роль человеческого фактора в языке), прагматической (взаимоотношение языковых знаков с говорящими-слушающими в конкретных речевых ситуациях), социальной (зависимость средств выражения эмоций от национально-культурных специфики языковых обществ) и когнитивной (эмоции и познание) лингвистик. Решение та-

кой задачи позволило Б. Волек внести определенный вклад в интегральное описание языка и вербального общения.

Представляется оригинальной сама структура работы: книга начинается с обзора теоретических взглядов на эмотивность; показывается ее соотношение с экспрессивностью, рассматривается типология эмотивных знаков различных уровней языка, анализируются высказывания с эмотивной доминантой (гл. I). Во второй главе обсуждается методология исследования и параметры эмотивного значения в русской словообразовательной системе (с. 35—53). Главы III, IV и V посвящены изучению русских диминутивов с точки зрения их структурной, контекстуальной и прагматической перспектив. В гл. VI Б. Волек сравнивает семантические структуры субстантивных эмотивных дериватов различных типов в русском языке. На базе добытых в процессе исследования и представленных в названных главах данных Б. Волек в гл. VII и VIII вновь возвращается к общим проблемам эмотивности в языке и ее семиотической типологии, тем самым завершая изложение своей концепции эмотивности языка.

В чем же суть этой концепции? Рассмотрим некоторые из ее положений, представленных в гл. I «Эмотивные знаки» (с. 5—34). Прежде всего Б. Волек пытается разграничить эмотивность и экспрессивность с семиотической точки зрения. Надо сказать, что попытки развести эти две взаимосвязанные категории предпринимались в лингвистике давно и пока довольно безуспешно, поскольку прежде всего до сих пор остается невыясненным, что же собой представляет экспрессивность как лингвистический феномен [4]. Критически сопоставив четыре группы мнений о природе экспрессивности [экспрессивность как формальная сторона лингвистического знака в противоположность содержательной стороне (Соссюр, Ельмслев); экспрессивность как прямое выражение отношения говорящего к предмету речи (Бюлер, Матезиус, Якобсон, Вахек); экспрессивность как индексальная иконическая связь между знаком и эмоцией (Коржинец); экспрессивность как чисто психологический внешний признак высказывания (Фрей, Зима) или как «нарушение нормы» (Гавранек, Делакруа, Грельб)], Б. Волек нашла довольно убедительные аргументы против каждой из этих концепций (с. 7—9). По ее мнению, в науке возможно сосуществование двух пониманий экспрессивности: по одному из них, экспрессивность — это прямое и намеренное выражение эмоционального опыта человека с помощью специальных семиотических средств языка и символических индексов.

Такая экспрессивность наблюдается, на наш взгляд, при выражении эмоций в поэзии, что в книге Б. Волек, к сожалению, вообще не рассматривается. По другой концепции, экспрессивность — это ненамеренное самовыражение эмоций говорящего с помощью симптоматического использования соответствующих кодированных языковых средств. Свое дальнейшее исследование Б. Волек строит на первой концепции экспрессивности, подчеркивающей тесную взаимосвязь экспрессивности и эмотивности.

Отметив большой разбой во мнениях относительно толкования категории эмотивности, автор данной монографии предлагает отграничивать эмотивность, с одной стороны, от индивидуальных и социальных ассоциаций, а с другой — от коннотаций, которые, по мнению Б. Волек, могут быть и не эмотивными (с. 10—11), что подтверждается и нашими исследованиями.

Как кажется, Б. Волек довольно убедительно разграничивает эмотивность и «стилистичность» языковых знаков. Что же касается дифференциации эмотивности и модальности, то она сделана автором менее убедительно (с. 14). Не помогает автору в этой аргументации и ссылки на В. В. Виноградова, Р. Мразека, Я. Мистрика и М. Докузила, которые тоже разграничивают эти две семантические категории, однако не утверждают столь категорично, как Б. Волек (с. 13), что «модальность не позволяет включения в нее эмотивного компонента». Тезисно автору можно было бы возразить следующим образом: модальность является видом оценки, эмоция — тоже вид оценки, поэтому утверждать, что модальность всегда логична — значит противоречить языковой действительности: эмотивность как языковой аспект эмоциональности является разновидностью модальности.

Другое возражение вызывает противопоставление автором монографии эмотивного и понятийного значений и предлагаемая на этом основании типология языковых лексических знаков и типология эмотивных знаков языка (с. 25—32). По нашему мнению, эта типология должна включать в себя знаки логико-предметной денотации (слова типа *стола*, *дерево*), эмотивной денотации (слова типа междометий, инвектив и т. п.) и слова коннотативные. Собственно эмотивными знаками являются знаки второй и третьей групп, которые и служат для реализации эмотивной функции языка.

Типология эмотивных знаков, которая дается Б. Волек в гл. VII, в отличие от типологии, приведенной в гл. I, основана на более или менее едином принципе — семиотическом, т. е. на соотношении означающего с означаемым. С этой

позиции все эмотивные знаки Б. Волек делит на «чистые» и символические индексы. Первые выражают одновременно и эмотивность, и состояние говорящего через связи по смежности между ними и их референтами. Вторые — символические индексы — по мнению автора монографии, основаны на связи между фонетическим уровнем эмотивного знака (означающего) и самой эмоцией (т. е. означаемым). При этом, как утверждает Б. Волек, фонетический характер означающего зависит от фонетических норм и национальных привычек каждого данного языка (с. 220—221).

Вторая группа эмотивных символических знаков включает ониматонимизмы (с. 221), которые имеют чисто иконический характер, поскольку в них форма почти полностью сливается с содержанием: англ. *whistle*, русск. *свистеть*. К этой же группе эмотивных знаков Б. Волек относит и случаи лексемного звуко-символизма, поскольку, по мнению автора, «эмотивный компонент возникает в таких случаях благодаря прямому употреблению звуков для выражения эмотивно маркированных идей» (с. 222).

Надо отметить, что автор книги особо подчеркивает фонетическую мотивацию эмотивных знаков (иконическую связь между обозначающим и обозначаемым). Отсюда и выделение на фонологическом уровне языка ониматонимических знаков и фонетической метафоры, на синтаксическом уровне — эмотивного повтора знаков. На лексическом уровне — мотивацией эмотивности выступает связь между оценочным компонентом семантики лексического значения слова и эмотивным компонентом оценочного характера (с. 225). Поскольку связь между ними ассоциативна, то, по мнению Б. Волек, и данные случаи эмотивных знаков маркированы «индексностью» (с. 225): имеют в виду метафорические и метонимические «двойные знаки» (т. е. переносные значения), включая и дериватную (аффиксальную) лексику, а также переносный характер некоторых грамматических значений (с. 226).

Наиболее действенными эмотивными средствами, используемыми авторами художественных произведений, являются контекстуальные метафоры и метонимии. К сожалению, автор останавливает свое внимание только на коллокации (с. 228) — явлении, давно и хорошо известном в стилистике. Нам представляется непонятным такой акцент автора. Ведь по контекстуальному признаку можно построить отдельную типологию эмотивных знаков. С точки зрения современных задач коммуникативной лингвистики и прагматической лингвистики такая типология представляла бы наибольший интерес.

Но, видимо, это не входило в планы автора рецензируемой монографии и не может быть вменено ему в вину — это большая задача самостоятельного исследования.

Целью гл. VII «Типология эмотивных знаков» является обоснование концепции эмотивного знака и идентификация основных типов выражения и коммуникации эмотивности в речи говорящего. По мнению автора, большинство эмотивных знаков являются символическими индексами (с. 119—228), поскольку «они помимо своего понятийного содержания выражают еще и эмотивность без представления ее в обобщенном концепте» (с. 119). Символический характер эмотивных знаков Б. Волек объясняет тем, что выражаемая эмоция всегда принадлежит конкретному говорящему, а используемый им для этого эмотивный знак относится к этому говорящему как носителю данной эмоции. Это представляется нам тонким наблюдением, т. к. действительно говорящий при этом выступает вторичным десигнатом такого слова и экзистенциально относится к нему: говорящий и носитель эмоции выступают в этих символах как одно и то же лицо.

Выделив кодированную и дискурсивную эмотивности, Б. Волек в гл. VIII справедливо отмечает, что языковая эмотивная семантика полностью реализует себя и конкретизируется только в дискурсе (*actual performance*) (с. 231). Здесь в концепции Б. Волек наблюдается явная противоречивость: выделяя экспрессивную функцию у специфических языковых знаков — экспрессивных (с. 232—234), признавая специфический тип языковой семантики — эмотивный, автор указывает другой группе специфических языковых знаков — эмотивных — в соответствующей только им функции — эмотивной (с. 234). Если различать, с одной стороны, значение знака, а с другой, его функцию, в отличие от употребления, то становится вполне очевидным, что функция знака, его предназначенность предопределяется его содержанием. Одно дело, когда в специфических дискурсах некодированные эмотивностью знаки употребляются для выражения эмоций в несвойственной им функции. Совсем другое дело, когда это осуществляется с помощью специальных эмотивных знаков, единственной или преобладающей задачей, сутью которых является передача эмоций.

Приведу аргументы Б. Волек против выделения эмотивной функции: 1) знаки, выражающие эмотивное содержание, не имеют значения, сформированного признаками объекта эмоций (это, по мнению Б. Волек, есть скорее внутренняя форма на базе ассоциативных признаков, свя-

занных с выражаемым объектом), 2) поскольку эмотивность является субъективным качеством, она всегда характеризует скорее отношение к чему-либо, чем что-либо выражаемое. Возражением против такого подхода является, например, тот факт, что денотатом (референтом) эмотивного знака может быть сама выражаемая им эмоция. Второй аргумент автора может быть опровергнут не так уж и редко распространенными случаями эмоционального самовыражения (здесь можно вспомнить Эллочку Любоедку из известного романа Ильфа и Петрова, которая достаточно коммуникативно выражала себя всего лишь тридцатью эмотивами). Разные семантические типы лексических знаков имеют различные предназначения, в том числе и эмотивное — такая точка зрения нам представляется более объективной. Естественно, что типология эмотивных знаков тесно связана с типологией «эмотивных значений».

По принципам качества и степени специфичности эмотивности языковых знаков среди различных типов «эмотивного значения» автор выделяет значение междометий и эмоциональных частиц как суть неспецифической эмотивности (с. 235); значение дериватов с аффиксами, детализирующих (специфицирующих) эмотивность; интенсификацию значений через аугментативы; повторы как часть специфической десигнации, т. е. как ономасиологическое, а не как синтаксическое средство; эмфатическое значение; оценочное значение (с. 235—240). Такая типология «эмотивных значений» представляется нам весьма спорной: она скорее является перечнем средств, способных употребляться для передачи эмотивной семантики. Тем более, что оценочный компонент вообще присущ всем эмотивам и всем типам эмотивного значения, что, кстати, признается несколько ниже и самим автором монографии (с. 240). Представляется более логичным выделять среди типов эмотивной семантики собственно эмотивное значение, эмотивную коннотацию и эмотивный потенциал на двух уровнях — гиперсентом и адгерентом.

Для выработки концепции эмотивных знаков языка Б. Волек в качестве практического материала избрала русские диминутивы, которые наиболее рельефно отражают всю специфику эмотивности как семантической категории языка. Монография содержит огромный фактический материал о деривативных эмотивных знаках русского языка.

В работе Б. Волек описывается семантический характер исходной базы деривата, диминутивного/аугментативного суффикса, различные типы порождаемых в результате их взаимодействия эмотивных дериватов и сама процедура формирова-

ния семантики деривата (с. 36—39) в тех случаях, когда эмотивность отсутствует в деривационной базе, а также случаев, когда эта последняя лишь модифицируется в деривационном процессе (с. 40—44). Здесь же рассматриваются факторы влияющие на конечную семантическую структуру эмотивного деривата, и устанавливается тип ономасиологической категории, к которой он принадлежит. На наш взгляд, это место гл. II является наиболее насыщенным теоретическими результатами.

В этой же главе Б. Волек исследует проблемы эмотивной потенции диминутивных суффиксов и факторы, ее определяющие, их полисемию и эпитимосемию (с. 49—52). В связи с этим нам показался недостаточно аргументированным следующий вывод автора: чем больше понятийная (концептуальная) неопределенность семантики суффикса и чем меньше «отношенческая полсемия» (attitudinal polysemy), тем выше эмотивная потенция этого суффикса (с. 52). Данный вывод никак не иллюстрируется на конкретных примерах и поэтому остается непонятным. Основная цель данной главы — показать гетерогенность и сложность влияния на эмотивный компонент суффиксов, независимость носителей эмотивной семантики — выполнена успешно. Интересна мысль автора о влиянии фонетического облика суффикса на его эмотивную интенсивность (с. 52—53); вывод автора о невозможности построения завершеной системы эмотивных суффиксов по принципу их эмотивной потенции (с. 53) естественно и логично вытекает из представленного в главе фактического материала.

В гл. III предлагаются новые выводы о структурных и семантических особенностях диминутивов, дается новая их градация на базе актуальной языковой оценки суффиксов, которые появляются в структурной оппозиции качественных и количественных диминутивов (с. 68); подчеркивается семантическое различие между мелиоративными и пейоративными диминутивами и примыкающими к ним амбивалентными диминутивами (с. 55), разрабатывается новая, отличная от традиционной теория асимметрии диминутивов: противопоставление амбивалентности / неамбивалентности (мелиоративности / пейоративности); приводится новая классификация четырех типов сочетаемости пейоративности / мелиоративности, амбивалентности производящих основ и эмотивных суффиксов (с. 81). Однако ряд выводов Б. Волек в этой главе требует критического осмысления. Например, трудно согласиться с ее выводами о невозможности установить семантическую «ценность» эмотивного суффикса в изоляции от контекста (с. 56).

Плодотворной мне представляется поправка, которую Б. Волек в гл. IV вносит в классификацию Э. Станкевича [1], разделившего все диминутивные суффиксы на простые — с количественным уровнем экспрессивной деривации и сложные — с качественным уровнем экспрессивной деривации. Б. Волек считает, что семантическая граница между суффиксами должна проводиться по иным критериям, а именно — по критерию функциональной оппозиции, по критерию продуктивности в системе и частотности в употреблении, а также по чисто семантическому критерию (с. 98). В данной главе Б. Волек подробно освещает проблему лексикализации диминутивов, проблему псевдодиминутивов (с. 123—133). Особый интерес (скорее всего критический) вызовет у сторонников лингвистики текста и коммуникативной лингвистики предложенная здесь типология контекстов реализации эмотивных дериватов: по частям речи (с. 134—137), эмотивный (с. 137—140), количественный (с. 139—140), сложный (с. 140—145).

В гл. V автор монографии приводит прагматический анализ диминутивов, дает типологию функциональных ситуаций диминутивов (кстати, далеко не полную) (с. 174—175), рассматривает связь между стимулом выражаемой эмоции и самой эмоцией, сопоставляет эмоциональное отношение говорящего и эмоциональный эффект на получателя (с. 149—174). Выводы по этой главе вносят определенный вклад в развитие теории эмотивности языка.

В гл. VI Б. Волек поднимает интересный и актуальный вопрос — является ли семантическое членение деривата на базу и эмотивный компонент параллельным в ономастологическом плане членению на стимул эмоционального отношения и само эмоциональное отношение? Второй вопрос, который обсуждается в этой главе, — довольно тривиальный: порождает ли диминутивный суффикс эмотивные дериваты из неэмотивных баз или он всего лишь модифицирует эмотивность семантики словообразовательной базы (мутаивные vs. модификативные дериваты)? Этот вопрос давно получил освещение в многочисленных работах советских дериватологов и не представляет проблемы. Это скорее факт, достойный лишь упоминания в такой фундаментальной работе по

эмотивности, какой, несомненно, является рецензируемая монография Б. Волка.

Таким образом, автор признает факт существования языковой категории эмотивности и трактует ее как «определенные психофизические ощущения и отношения говорящего (не обязательно оценочные) которые он испытывает во время говорения и которые он выражает в речи без трансформирования их в понятийные знаки» (с. 12). Представляется, однако, что в такой трактовке речь идет не о языковой категории эмотивности, а о психической (психологической) категории эмоциональности, которая, только пройдя языковую «переработку», становится эмотивностью, т. е. языковой категорией.

При всех мелких издержках данная книга является значительным успехом автора, поскольку вносит фундаментальный вклад в обобщение достигнутого в лингвистике понимания эмотивности и в дальнейшую разработку этой чрезвычайно сложной и довольно запутанной многочисленными исследованиями, но оставшейся актуальной проблемы. Ее актуальность была специально подчеркнута на IV Международном конгрессе лингвистов в Берлине [5], который выделил это направление среди пяти наиболее приоритетных в современной лингвистике.

С уверенностью можно сказать, что многие положения Б. Волка являются перспективными для дальнейшего развития эмотологии (термин В. Г. Гака).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Stankiewicz E. Problems of emotive language // Approaches to semiotics / Ed. by Sebeok Th. London; The Hague, Paris, 1964.*
2. *Stevenson Ch. L. Meaning: Emotive and descriptive // Philosophical review. 1948 № 58.*
3. *Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.*
4. *Лукианова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск, 1986.*
5. *Daneš F. Cognition and emotion in the discourse interaction: a preliminary survey of the field // Preprints of the Plenary session papers. XIV-th International Congress of linguistics. B., 1987.*

Шаховский В. И.